

— СТОП! ПРЯМОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ 798-209!

И тут же я остановилась, мои пальцы покалывало от того, как близко они были к входу в портал. Медленно, но верно я начала спускаться обратно на диск. Если бы меня не задержали нулевые поля, я была уверена, что мои дрожащие ноги не выдержали бы.

— Что здесь происходит!

Голос прогремел позади меня. Очень знакомый голос.

— Генерал Зод!? — один советник запнулся. — Что это значит!

— Кара-Эль НЕ будет приговорена к фантомной зоне! — его голос был тверд.

— По чьему распоряжению?! — она звучала недоверчиво.

— Моему.

Это единственное слово заставило весь Совет ошеломленно уставиться на него.

— Вы переступаете границы, генерал. Охрана! Арестуйте этого человека!

Я могла слышать отчетливые звуки заряжаемого оружия.

— Арестуете меня? — он усмехнулся. — Возможно, мне следует перефразировать, когда я говорил о своих полномочиях, я имел в виду всю армию Криптона. Все они поддерживают меня в этом вопросе.

— Ты говоришь об измене Зод! — теперь ее голос была пронзительным.

— Возможно.

Я почти могла слышать пожимание плечами в его голосе.

— Но факт в том, что ни один солдат Криптона не будет бездействовать, если ты прикоснешься к ней. Она спасла Кандор. Мы, рожденные защищать этот мир и всех его жителей, никогда не забудем наш долг перед ней.

— Спасла Кандор? Конечно, она действительно сражалась, защищая его, но это наши военные...

— Неправильно. — его тон не терпел возражений. — Если бы не она, Брэйниак завершил бы свой план. Её действия — единственная причина, по которой нам удалось остановить его до того, как он разлил город по бутылкам. Кандор, город с семнадцатью миллионами жизней, город, в котором, могу я вам напомнить, вы тоже живёте. Был бы в его лапах, когда он выпрыгнул.

— Сейчас. Если вы извините нас, Каре все еще нужно больше времени в лечебной капсуле.

Должно быть, он что-то сделал, потому что внезапно я почувствовала, что падаю. К счастью, он должен был это предвидеть, потому что поймал меня до того, как я упала. Я отчаянно вцепилась в него, вцепившись пальцами в пластины брони и ткань, почти бессвязно бормоча слова благодарности, пока он выносил меня из комнаты.

Все было как в тумане, когда мы возвращались в больницу. Когда он поместил меня в капсулу, я пришла в себя. Моя рука сжала его, когда он попытался вырваться.

— Мама, она правда....? — я запнулась, не в силах закончить.

Он посмотрел на меня, замечая мое потерянное выражение.

— Да. — он вздохнул.

Я попыталась сесть.

— Тогда я должна быть с ней. Это моя вина, мне нужно...

— Нет.

Он толкнул меня обратно в мягкую капсулу.

— Тебе нужно закончить лечение. Ты нанесла серьезный ущерб своим клеткам, Кара. Единственная причина, по которой ты не в коме, заключается в том, что твои клетки моложе и более устойчивы. Но если ты не вылечишься сейчас, урон будет необратим.

— Но...

— Нет.

Он говорил более твердо.

— Но я...

— Тебе нужно вылечиться, и это окончательно. Либо ложись и позволь капсуле делать свою работу, либо я попрошу медсестру дать тебе успокоительное, а потом пусть капсула сделает свою работу. В любом случае ты никуда не уйдешь, пока не вылечишься.

Не видя другого выхода, я неохотно кивнула и откинулась на спинку кресла, позволив прозрачной крышке закрыться. Я поддерживала зрительный контакт с Зодом так долго, как только могла, пока газ затягивал меня под воду.

/

Я уставилась на маму. Она выглядела так, словно спала, как будто в любой момент могла открыть глаза и улыбнуться мне. Но медицинская карта у подножия ее капсулы говорила об обратном.

Я сделала это. Я была причиной того, что она не просыпалась.

Я провела рукой по стеклу капсулы возле её лица.

— Мама. Пожалуйста, если ты меня слышишь. Проснись. Пожалуйста? Я не хотела этого делать. Прости, просто... пожалуйста, проснись.

Она не ответила. Что меня не удивило. Все сканирования и тесты не показали никакой мозговой активности, кроме минимума, необходимого для того, чтобы считать его живым. Каждая клетка ее тела была серьезно повреждена. Она была жива только сейчас благодаря бешеной и постоянной работе своих нанитов. Из-за характера повреждений

лечебная капсула не могла даже использовать красное солнечное излучение, полагаясь исключительно на координацию и повышение эффективности своих нанитов.

Какими бы хорошими ни были наниты, даже у них были свои пределы. По-видимому, ремонт сгоревших солнечных рецепторов - это то, где была проведена черта.

Единственная причина, по которой я все еще была в относительном порядке после гораздо более длительного воздействия желтого света, заключалась в том, что мои клетки были намного моложе и, как таковые, были более податливыми, но даже тогда повреждения были значительными. Теперь, когда в моем организме не было никаких обезболивающих, я чувствовал легкое жжение, пронизывающее все мое тело. Они предложили мне больше после того, как меня выпустили из капсулы, но я отказалась.

Я хотела почувствовать ожог, это было меньшее из того, что я заслуживала после того, что сделала. По своей глупости я создала наручи, проигнорировав тот факт, что на Криптоне было общеизвестно, что солнечное излучение, длина волны которого не совпадает с длиной волны Рао, очень токсично для физиологии криптонианца. Я отклонила это как некую форму пропаганды, направленную на дальнейшее соблюдение законов, запрещающих межзвездные путешествия. Либо придуманный Советом, либо, возможно, пережиток наших более религиозных времен. Мы поклонялись солнцу как буквальному божеству, не было бы слишком неправдоподобно полагать, что свет другого солнца будет рассматриваться как нечто еретическое или богохульное.

Мои воспоминания о парящем в воздухе Супермене только убедили меня в том, что я была права. Я закатила глаза и доверилась знаниям из комиксов, и моя мама заплатила за это цену.

— Кара.

Рука легла мне на плечо.

— Это моя ошибка.

Мое зрение слегка затуманилось. Я попыталась моргнуть.

— Нет, Кара, это не твоя вина. Ты не в ответе за это.

Мой папа пытался говорить твердо, но я отчетливо слышала ложь. Где-то внутри он обвинял меня, даже если не хотел признаваться в этом самому себе.

Мои руки сжимаются так сильно, что ногти оставляют следы полумесяца на ладонях. Потребовалось бы менее получаса работы, чтобы подтвердить, вредны ли другие виды солнечной радиации. Но я этого не сделала. Вместо этого я отказалась от всякой осторожности и позволила своим воспоминаниям о вымышленном мире унести меня прочь.

— И как это понимать?

Я обернулась, мое зрение снова стало расплывчатым. Мой тон язвительно горький.

— Это МОЕ творение поместило ее сюда!

Моя рука опустилась, чтобы хлопнуть по стеклу позади меня, едва вовремя остановив руку, чтобы вместо этого она мягко легла на прохладную поверхность.

— Я причина, по которой она может не проснуться.

Мой гнев покинул меня посреди фразы, к концу мой голос был чуть громче шепота. На этот раз я не моргнула, позволив слезам покатиться по моим щекам. Мне было невыносимо смотреть на него после того, что я сделала, от стыда повернувшись лицом вниз.

— Нет.

Он схватил меня за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Это благодаря твоему творению она жива. Скажи мне. Что было бы, если бы у тебя не было этих наручей?

Я не ответила, просто уставившись на него в замешательстве от того, что он пытался добиться.

— Если бы их не было у тебя, она была бы мертва. Я видел кадры с Келекса, этот робот держал ее в своих руках. Она была бы все равно что мертва без твоего вмешательства.

Он сжал мои плечи.

— Кара. Твои действия — единственная причина, по которой она может проснуться. Без тебя у нее даже не было бы шанса увидеть еще один день. Ты меня понимаешь, Кара? — он слегка встряхнул меня: «Скажи, что понимаешь!»

Воспользуйтесь моментом, чтобы взглянуть на его красные опухшие глаза и каменное выражение лица. Я сглотнула ком в горле.

— Я понимаю.

Вывернувшись из его хватки, я снова стала смотреть в капсулу. Я могла бы понять, но я никогда не забуду. К этому привела моя уверенность в знаниях из прошлой жизни. Никогда больше я не совершу эту ошибку. Отныне я буду использовать его только как ориентир, а не как руководство, которому можно слепо доверять. Это была не комикс и не сериал. Это была моя жизнь, а жизнь была игрой, в которую играли до последнего.

/

Меч был там, где я его оставила. Сидя невинно в выжженной грязи. Охранный дрон, парящий сейчас над ним, был там не для защиты меча, он была там, чтобы защитить людей от меча. Протоколы безопасности на мече были не шутками, и они не были дискриминационными. Если бы я лично не позволяла человеку прикасаться к нему или двигать его, если на то пошло, он расценивал бы это как угрозу и действовал бы соответственно. Мужчина, женщина, ребенок, ему было все равно.

Я медленно наклонилась, чтобы поднять его. Моя рука остановилась всего в дюйме от меча, и я воспользовалась моментом, чтобы подготовиться к тому, что, как я инстинктивно знала, должно было произойти.

В тот момент, когда моя рука соприкоснулась, герб Эль на моих ладонях вспыхнул, и символы вырвались из них и вверх по моим предплечьям. Я стискиваю зубы, когда жгучий текст снова проявляется на моей коже.

— Это больно? — спросил папа рядом со мной, в его голосе звучала смесь беспокойства,

клинического любопытства и благоговения. Я не могла винить его за последние два. В конце концов, это был, вероятно, единственный раз, когда у него была возможность увидеть, как кто-то владеет мечом. Он был ученым, и многое о мече не было записано.

— Ага.

Я вздохнула, сгибая руки, ожидая, пока боль утихнет.

— Это своего рода мера безопасности.

— Боль? — он казался озадаченным.

— Это для того, чтобы тот, кто владеет им, никогда не забывал, что он держит. Чтобы убедиться, что его никогда не усыпит его сила. Его потенциал.

Я смотрела на красный кристалл, изучая, как он отражает свет Рао, одновременно излучая собственный свет.

— Когда ты используешь его, ты чувствуешь, что можешь сделать всё, что угодно. Как будто все, что ты хочешь, может стать твоим, если ты этого пожелаешь. Это пьянящее чувство обладать такой огромной силой. Так заманчиво просто...

Я замолчала, не зная, куда я вообще клоню с этой касательной. Я вздохнула.

— В любом случае, давай поторопимся, чтобы я могла вернуть это. Избыточное излучение, которое он испускает, начинает немного щипать.

— Верно.

Положив руку мне на спину, отец осторожно подтолкнул меня к аэроспидеру, на котором мы прибыли.

Мои солнечные рецепторы хоть и не так повреждены, как у мамы. Они все еще были сильно повреждены. Они сказали мне, что нанитам потребуется некоторое время, чтобы залечить повреждения. Большая часть исцеления произойдет во время полового созревания, когда мое тело начнет созревать, и пока это не произойдет, я должна попытаться ограничить потребление солнечного света. По мере того, как ощущение жжения становилось более интенсивным, тем больше энергии приходилось обрабатывать поврежденным рецепторам. И прямо сейчас комбинированный свет полуденного солнца и меча подтверждали правильность их диагноза.

Мысли о моих поврежденных рецепторах заставили меня понять, что, возможно, боль, вызванная Мечом, не должна была быть такой мучительной. Большая часть боли, вероятно, возникла из-за того, что мои поврежденные рецепторы были вынуждены впитывать нарастающий уровень радиации, испускаемой Мечом во время активного использования. В конце концов, калечить владельца клинка каждый раз, когда он его использовал, было своего рода контрпродуктивно.

Я остановилась на мгновение, мысль пришла ко мне.

— Слушай, пап?

— Да, Кара? Что такое?

— Хочешь поддержать?

Он выглядел сбитым с толку, но проследил за моим взглядом до меча.

— Но безопасность...

— Он слушает меня. Если я скажу ему позволить тебе, он послушается.

Видя, что он все еще колеблется, я решила заняться приглушением силы.

— Кроме того, врачи сказали мне следить за потреблением солнечной энергии. Мне нехорошо держать меч.

Я ухмыльнулась, увидев, как его родительские инстинкты отбили все, что заставляло его колебаться, и он медленно протянул руку. Потребовалось несколько мгновений концентрации, но мне удалось идентифицировать его как друга.

Он держал лезвие с детским удивлением. Держа ручку достаточно осторожно, чтобы я боялась, что он может уронить его.

Я рассмеялась, удивлена его реакцией.

— Папа, держи его крепче. Возможно, ты не сможешь получить доступ ни к одной из его функций, но если ты его уронишь, то все равно потеряешь ногу.

Его хватка сразу же усилилась при осознании этого. Он взглянул на меня, и я дважды взглянула на его жуткую ухмылку.

— Джор будет так ревновать.

Я фыркнула, когда мы забрались в аэроспидер.

/

Я почувствовала немедленное облегчение, когда вставила лезвие в прорезь квантовой кузницы. Символы уплыли с моей кожи обратно в ручку. Отходя, я рассеянно потёрла свои безупречные руки.

Я попрощалась с лезвием и поблагодарила его за помощь, уходя. Я не была уверена, было ли это моим воображением, но наверху, казалось, засветилось немного ярче от моих слов.

Когда я, наконец, вернулась на поверхность, я запечатала только что отремонтированную стену. Родовой дом была полностью отремонтирован благодаря всем дронам, которые у нас были. В настоящее время я была совершенно одна, так как папа должен был уйти после того, как высадил меня. Со всем хаосом от вторжения, у него было много работы. Я даже не видела Джора и Лару с тех пор, как проснулась, и, видя, что Джор буквально возглавлял Научный совет, я с трудом могла себе представить, насколько они, должно быть, устали.

Я подобрала обруч со своей кровати, лениво поигрывая металлической лентой. Келекс или Пенни, должно быть, напечатали еще один обруч, так как я отчетливо помнила, что не сняла его, уходя. Говоря о....

— Пенни?

Нет ответа. Я в замешательстве огляделась. Пенни была подключена к системе безопасности дома, она должна была это услышать, где бы ни находилась.

Когда я подумала об этом, мои глаза остановились на определенном месте на полу. Медленно я надела обруч, желая, чтобы спрятанная там коробка поднялась из-под земли. Как я и думала, коробка загрохотала и затряслась.

В тот момент, когда я распечатала её, серебристое пятно вылетело и ударило меня по лицу. Его податливая форма полностью закрывала мое лицо, закрывая мне зрение. Но даже с серебристым материалом, прижатым к моему лицу, я все еще могла дышать через него.

— Кара! Ты в порядке! Она казалась более обезумевшей, чем я когда-либо слышала от нее, и то, как она прижалась к моему лицу, несмотря на мои попытки оторвать ее, еще больше свидетельствовало об этом.

— Привет, Пенни. Рада видеть, что ты тоже в порядке.

Я пробормотала в гео-жидкость, отказываясь от попыток убрать ее и соглашаясь утешительно погладить ее. В конце концов она уплыла от меня, приняв свою форму шара по умолчанию.

— Почему ты просто не взял под свой контроль комнату? Или не предупредила Келекса о своей ситуации?

— Я бы так и сделала. Но этот ящик был предназначен для того, чтобы скрывать свое содержимое. Он блокировал все мои попытки. До сих пор я даже не могла получить доступ к сети.

Я вздрогнула от этой картины. С ее точки зрения все, что она знала, заключалось в том, что ее отключили во время кибератаки, а затем она очнулась в том, что можно назвать одиноким заключением в неделю.

— Если ни один сигнал не доходил до тебя, то как ты снова включилась? Сигнал, отправленный для включения всего, не должен был проникнуть в коробку.

— Вирус только заблокировал мою возможность взаимодействовать с миром снаружи. Мои процессоры все еще работали. Я смогла снова получить контроль над своими функциями после сорока шести часов.

Её форма волновалась и колебалась.

— ...Я вижу, что пропустила многое.

Ах. Она, должно быть, получила доступ к сети, многое произошло за время, пока она была неактивной.

— Да. Ты пропустила. Но теперь, когда ты включена, ты готова работать?

— Конечно.

— Прекрасно. Я хочу, чтобы ты нашла каждый кусок данных, касающийся определенного слова. Используй мои коды доступа, чтобы попасть в защищенные архивы, если понадобится. Я хочу всё, независимо от того, насколько незначительным или неприменимым это будет.

Пока я говорила, я уже поднимала информацию на голографические экраны.

— Какое слово, госпожа?

— Брейниак.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/82793/2749467>